

С.Л. Корчикова

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Софья Корчикова

Женский портрет в русской поэзии

«Горная книга»

2022

УДК 82
ББК 83

Корчикова С. Л.

Женский портрет в русской поэзии / С. Л. Корчикова — «Горная книга», 2022

ISBN 978-5-98672-562-8

В книге в хронологическом порядке представлены стихотворения, в которых поэты изображают женский портрет — красавицы, молодой девушки, любимой женщины, жены, матери, няни, женщины по ее роду деятельности. В краткой форме, в сведениях об авторах и комментариях в книге излагается процесс развития этой темы и использования художественных средств. Для широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82
ББК 83

ISBN 978-5-98672-562-8

© Корчикова С. Л., 2022
© Горная книга, 2022

Содержание

Любите живопись, поэты!	6
Портрет	7
Из истории русской поэзии	8
XIX век	9
Константин Батюшков	9
Мой гений ¹	9
Мои пенаты ²	10
Александр Пушкин	12
Ее глаза	15
Калмычке	16
Мадонна	17
Няне	18
Поэты пушкинского круга	19
Петр Вяземский	20
Простоволосая головка	20
Денис Давыдов	22
Поэтическая женщина	22
Антон Дельвиг	23
Сонет	23
Евгений Баратынский	24
Она	24
Николай Языков	25
К няне А.С. Пушкина	25
Михаил Лермонтов	27
К портрету	28
Федор Тютчев	31
Как летней иногда порою	31
Евдокия Ростопчина	33
Она все думает	33
Отринутому поэту	34
Не скучно, а грустно	35
Аполлон Григорьев	37
Артистке	37
Импровизации странствующего романтика	38
Алексей Толстой	40
Средь шумного бала	41
Николай Некрасов	42
Тройка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Софья Леонидовна Корчикова

Женский портрет в русской поэзии

На обложке – портрет Александры Струйской работы художника-портретиста XVIII в. Федора Рокотова.

Два фамильных портрета – свой и красавицы-жены – заказал художнику пензенский помещик, поэт и книгоиздатель Н.Е. Струйский вскоре после свадьбы в 1772 г.

Портрет Александры Струйской своей загадочностью обращает нас к великому неразгаданному произведению Леонардо да Винчи «Джоконда», поэтому в русском искусстве получил имя «Русская Джоконда».

Любите живопись, поэты!

С такими словами обратился к своим современникам русский поэт XX в. Николай Заболоцкий, пораженный увиденным в Третьяковской галерее портретом Струйской.

Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

1953 г.

Из истории русской поэзии

Образ женщины всегда вдохновлял поэтов и художников разных стран.

В России в XVIII в. поэты Михаил Ломоносов и Гавриил Державин создавали хвалебные оды в честь императриц, подчеркивая их заслуги и значение для русской истории.

В начале XIX в. Василий Жуковский создал романтический образ Светланы.

И в начале XIX в. вместе с темой любви и земных наслаждений в русской поэзии возник женский портрет.

Первым поэтом, который эту тему и вместе с ней женский портрет ввел Константин Батюшков, которого Пушкин, как и Жуковского, считал своим учителем.

В творчестве Пушкина и поэтов XIX в. женский портрет бурно развивался, со всей полнотой богатых художественных средств, с детализированным изображением каждой черты внешности.

Прорыв в этом направлении в начале XX в. сделал Осип Мандельштам, значительно сократив детали внешности и дополнив портрет богатым, говорящим фоном.

Оба направления продолжают в поэзии в наше время.

XIX век

Константин Батюшков (1787–1855)

Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.

После этих строк Батюшкова голубые глаза и золотые волосы вошли в русскую поэзию начала XIX в. как символ женской красоты.

Мой гений¹

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,

¹ Гений (устар., поэт.) – дух, покровитель человека.

Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – с любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? Приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1813 г.

Образ возлюбленной в мужском облачении возник после российских военных действий в Европе (наполеоновские войны), в которых как ополченец участвовал Батюшков.

Мои пенаты²

И ты, моя Лилета,
В смиренной уголок
Приди под вечерок
Тайком переодета!

Под шляпою мужской
И кудри золотые
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!

Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...

Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,

И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!

И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,

И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»

² Пенаты (устар., поэт.) – боги, хранители домашнего очага.

Блажен, в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,

До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

1811–1812 гг.

Александр Пушкин (1799–1837)

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.

С этих слов начал Пушкин писать портрет героини поэмы «Полтава» Марии, изображая каждую черту ее внешности всем богатством художественных средств.

Наряду с главными историческими лицами – Мазепой и Кочубеем – поэт Матрене, дочери Кочубея, под именем Марии отвел значительное место в истории отношений Украины и России в начале XVIII в.

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной:
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.

Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,

То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.

Звездой блещут ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.

Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной

В младой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.

Незабываемые образы двух сестер – Ольги и Татьяны – создал Пушкин в романе «Евгений Онегин»:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро, весела,
Как жизнь поэта, простодушна,
Как поцелуй любви, мила,
Глаза, как небо, голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан —
Все в Ольге...но любой роман
Возьмите и найдете, верно,
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

.....

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей.

Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый поживает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона³ и Руссо⁴.
Отец ее был добрый малый,

³ Ричардсон – англ. писатель XVIII в.

⁴ Руссо – франц. писатель и философ XVIII в.

В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

Это Пушкин. А вот как высказался об обеих сестрах Онегин в беседе с Ленским по дороге домой после первого посещения дома Лариных:

«Скажи, которая Татьяна?» —
«Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана⁵,
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблен в меньшую?» —
А что? — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Кругла, красна лицом она,
Точь-в-точь в Вандиковой⁶ Мадонне;
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

Женский портрет появляется у Пушкина и в отдельных стихотворениях.

Ее глаза

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..

⁵ Светлана – героиня поэмы В. Жуковского «Светлана».

⁶ Вандик (Ван Эйк) – голландский художник XV в.

Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля⁷
Так созерцает божество.

1828 г.

Здесь речь идет о фрейлине императрицы А.О. Россет и об Анне Олениной, к которой поэт сватался, но не получил согласия ее отца на брак. Олениной Пушкин посвятил несколько стихотворений, в том числе «Я вас любил».

Калмычке

Стихотворение написано под впечатлением посещения калмыцкой кибитки по пути на Кавказ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,

⁷ Рафаэль Санти – итальянский художник XVII в.

Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'e⁸.
Галоп не прыгаешь в собрание...
Что нужды? – Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

1829 г.

Стихотворение «**Мадонна**» посвящено жене.

Мадонна

Не множеством картин известных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —

⁸ Ma dov'e – но где (итал.).

Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1826 г.

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.

Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Поэты пушкинского круга

Женский портрет в его разнообразии представили нам поэты пушкинского круга: Петр Вяземский, Денис Давыдов, Антон Дельвиг, Евгений Баратынский, Николай Языков.

Петр Вяземский (1792–1878)

Простоволосая головка

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз,
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически-игриво,
Как Пушкина весёлый стих.

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на неё,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмёт своё.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью, и, шутя,
Она влечёт к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик

Грозит и смертным и богам.

У них во всём одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза её знакомы,
Того уж сглазил он давно.

Её игрушка – *сердцеловка*,
Поймает сердце и швырнёт;
Простоволосая головка
Всех поголовно поберёт!

Июль 1828 г.

Посвящено Пелагее Николаевне Всеволожской.

Денис Давыдов (1784–1839)

Поэтическая женщина

Что она? – Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлечение,
Смех и слёзы, чёрт и Бог,
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступлённого поэта
Беспокойная мечта!
С нею дружба – упоенье...
Но спаси, Создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

1816 г.

Антон Дельвиг
(1798–1831)

Сонет

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже нет
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

Не вернуть уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость,

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822 г.

Посвящено С.Д. Пономаревой.

Евгений Баратынский (1800–1844)

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей
Какое-то влечёт очарованье
К её ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной,
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты, – и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредёшь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, – в пустынный угол твой,
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

1827 г.

Посвящено предположительно А.А. Воейковой.

Николай Языков (1803–1846)

К няне А.С. Пушкина

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки —

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражён суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены⁹, —

Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,

И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твоё святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!

С каким радушием — красою древних лет —

⁹ Камена — в древнеримской мифологии покровительница искусств и наук.

Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла

На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас – добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,

Мы верили тебе – и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотной,
И лёгкие часы летели беззаботно!

1827 г.

Михаил Лермонтов (1814–1841)

Ходит плавно, будто лебедушка,
Смотрит сладко, как голубушка,
Молвит слово – соловей поет.

Такими сравнениями, свойственными былинному творчеству, начинает Лермонтов описание портрета Алены Дмитриевны в своем произведении **«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»**.

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы.
Ходит плавно – будто лебедушка,
Смотрит сладко – как голубушка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитриевной.

1837 г.

К портрету

Стихотворение посвящено Александре, жене графа Воронцова-Дашкова, известного своими роскошными балами. Портрет работы французского художника Анри Греведона был подарен Лермонтову Александрой в знак глубокой и доверительной дружбы.

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле – и радость и горе.
В глазах – как на небе, светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

1840 г.

В поэме «**Мцыри**»¹⁰ Лермонтов изобразил динамичный портрет грузинки, идущей за водой.

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей,
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек,
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей.

1839 г.

В поэме «**Демон**» поэт изобразил красоту Тамары в движении, в танце.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна, и льются вины —

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:

Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами

¹⁰ Мцыри (груз.) – не служащий монах, послушник.

Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,

Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,

То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;

То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;

И улыбается она,
Веселья детского полна,
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,

Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

1839 г.

Федор Тютчев (1803–1873)

Как летней иногда порою

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь вострепелась живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,

Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарования,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863 г.

В стихотворении изображена Надежда Сергеевна Акинфиева, внучатая племянница министра иностранных дел князя Горчакова, под началом которого проходила дипломатическая служба Тютчева.

Евдокия Ростопчина (1811–1855)

Первая книга стихов графини Евдокии Ростопчиной появилась, когда ей было 30 лет. Ее стихи, лирические и сатирические, а также стихи, полные гражданского чувства, вызвали многочисленные восторженные отклики. Вот один из них:

П.А. Плетнев, первый издатель задуманного Пушкиным журнала «Современник»:

«...тут десять лет цветущего возраста женщины, тут история прекраснейшего существа в его прекраснейшую эпоху. Как не сказать, что это явление, какого еще не бывало в нашей литературе...»

Ростопчиной посвящали стихи Лермонтов, Тютчев и др.

Она все думает

Plus rever que penser!
*Devise de femme*¹¹

«Она все думает!» – так говорят о мне, —
И важной мудрости, приличной седине,
Хотят от головы моей черноволосой...
«Она все думает!» – Неправда! Разум мой
Не увлекается мышления тщетой,
Не углубляется в всемирные вопросы.

Нет, я не думаю, – мечтаю!.. Жизнь моя,
Заботы, помыслы тревожные тая,

¹¹ «Больше мечтать, чем думать!» Девиз женщины.

Для беспристрастных дум досуга не имеет.
В слезах ли... в радости ль... собою занята,
Я знаю лишь себя, – и верная мечта
Лишь сердцу милое ласкает и лелеет.

Нет, я не думаю! Я грежу наяву,
Воспоминаньями, догадками живу,
О завтра, о вчера в бессменном попеченьи,
Пока, волнуясь, душа моя кипит,
Пока надежда мне так сладко говорит,
Я думать не хочу!.. Зачем мне размышленья?..

Что дума? – Суд... расчет... внимательный разбор
Того, что чуждо нам... духовный, вещий взор...
Крыло, влекущее в пространство разум смелый...
Придет для дум пора в разуверенья дни,
Когда рассеются как прах мечты мои
Пред строгой правдою, пред хладом жизни зрелой!..

1842 г.

Отринутому поэту

Нет! Ты не поняла поэта... И не понять тебе его!
Н. Павлов

Она не поняла поэта!..
Но он зачем ее избрал?
Зачем, безумец, в вихре света
Подруги по сердцу искал?

Зачем он так неосторожно
Был красотою соблазнен?
Зачем надеждою тревожной
Он упивался, ослеплен?

И как не знать ему зараней,
Что все кокетки холодны,
Что их могущество в обмане,
Что им поклонники нужны?..

И как с душою, полной чувства,
Ответа в суетных искать?
В них все наука, все искусство,
Любви прямой им не понять!

Он сравнивал ее с картиной:
Он прав! Бездушно-весела,

Кумир всех мотыльков гостиной,
Она лишь слепок божества!..

В ней огонь возвышенный, небесный
Красу земную не живет...
И вряд ли мрамор сей прелестный
Пигмалион одушевит!..

Она кружится и пленяет,
Довольна роком и собой;
Она чужой тоской играет,
В ней мысли полны суетой.

В ней спит душа и не проснется,
Покуда молода она,
Покуда жизнь ее несется,
Резва, блестяща и шумна!..

Когда же юность с красотою
Начнут несчастной изменять,
Когда поклонники толпою
Уйдут других оков искать, —

Тогда, покинув сцену света,
И одинока и грустна,
Вспомнит верного поэта
С слезой раскаянья она!..

1832 г.

Не скучно, а грустно

Есть в жизни дни без солнца, без веселья,
Туманные, как в осень небосклон,
Когда досуг наш грустный посвящен
Раздумию в уединенной келье;

Когда в виду и в мысли цели нет,
И мы не там, где быть бы нам хотелось,
И трауром душа с тоски оделась,
Как свернутый в ненастье вешний цвет.

В такие дни всем встречным развлечениям
Бесспорно мы мгновенья отдаем;
В такие дни мы для других живем,
Не для себя, — простившись с наслаждением.

И может быть, увлечены порой

Занятием каким иль разговором,
Мы вокруг себя посмотрим светлым взором,
И в смех друзей мы смех вмешаем свой.

Не скучно нам, не тяготит нас время,
Часы летят... и сердце лишь одно,
Неясною тоскою стеснено,
Не сотряхнет воспоминаний бремя.

Не скучно нам, а грустно!.. Мы таим
Напрасные, немые сожаленья,
И всё вдали рисуют нам виденья,
Что б быть могло, чего не возвратим!

1842 г.

Аполлон Григорьев (1822–1864)

Поэт, о котором говорили: «Умер с гитарой в руках». Стали народными песнями его стихотворения «О, говори хоть ты мной, гитара семиструнная», «Цыганская венгерка». Воспел страдание, которое возвышает душу. Жизнь у него была трудная: неоплаченные долги нередко доводили до тюрьмы.

Женский портрет у Григорьева представлен разнообразно.

Артистке

Когда, как женщина, тиха
И величава, как царица,
Ты предстоишь рабам греха,
Искусства девственного жрица,

Как изваянье холодна,
Как изваянье, ты прекрасна,
Твое чело – спокойно-ясно;
Богов служению ты верна.

Тогда тебе ненужны дани
Вперед заказанных цветов,
И выше ты рукоплесканий
Толпы упившихся рабов.

Когда ж и их восторг казенный
Расшевелит на грубый взрыв

Твой шепот, страстью вдохновленный,
Твой лихорадочный порыв,

Мне тяжело, мне слишком гадко,
Что эта страсти простота,
Что эта сердца лихорадка
И псами храма понята.

1846 г.

Импровизации странствующего романтика

1

Больная птичка запертая,
В теплице сохнувший цветок,
Покорно вянешь ты, не зная,
Как ярок день и мир широк,

Как небо блещет, страсть пылает,
Как сладко жить с толпой порой,
Как грудь высоко подымает
Единство братское с толпой.

Своею робостию детской
Осуждена заглохнуть ты
В истертой жизни черни светской.
Гони же грешные мечты,

Не отдавайся тайным мукам,
Когда лукавый жизни дух
Тебе то образом, то звуком
Волнует грудь и дразнит слух!

Не отдавайся... С ним опасно,
Непозволительно шутить...
Он сам живет и учит жить
Полно, широко, вольно, страстно!

2

Твои движенья гибкие,
Твои кошачьи ласки,
То гневом, то улыбкою
Сверкающие глазки...

То лень в тебе небрежная,
То – прыг! поди лови!
И дышит речь мятежная
Всей жаждою любви.

Тревожная загадочность
И ледяная чинность,
То страсти лихорадочность,
То детская невинность,
То мягкий и ласкающий
Взгляд бархатных очей,
То холод ужасающий
Язвительных речей.

Любить тебя – мучение,
А не любить – так вдвое...
Капризное творение,
Я полон весь тобою.
Мятежная и странная —
Морская ты волна,
Но ты, моя желанная,
Ты киской создана.

И пусть под нежной лапкою
Кошачьи когти скрыты —
А все ж тебя в охапку я
Схватил бы, хоть пищи ты...
Что хочешь, делай ты со мной,
Царапай лапкой больно,
У ног твоих я твой, я твой —
Ты киска – и довольно.

Готов я все мучения
Терпеть, как в стары годы,
От гибкого творения
Из кошачьей породы.
Пусть вечно когти разгляжу,
Лишь подойду я близко.
Я по тебе с ума схожу,
Прелестный друг мой – киска!

1858 г.

Алексей Толстой (1817–1875)

Алексей Константинович Толстой известен как поэт-лирик, создатель произведений на исторические темы, а также как один из авторов, которые сочинили остроумную мистификацию под вымышленным именем Козьмы Пруtkова.

Многие лирические стихотворения Толстой посвятил Софье Андреевне Миллер, за которую безуспешно боролся. Вот одно из этих стихотворений, известное, как романс на музыку Чайковского.

Средь шумного бала

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

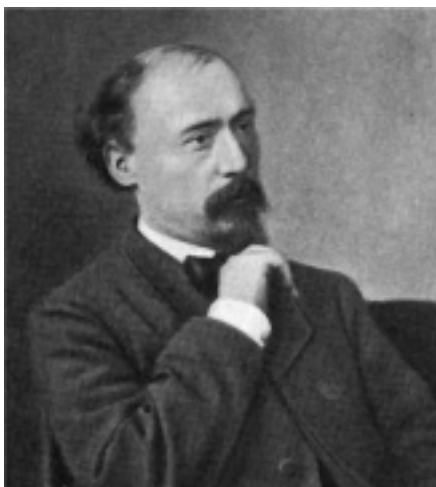
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю.

1851 г.

Николай Некрасов (1821–1877)

Творчество Некрасова богато образами русской женщины. Начало этому положила его знаменитая «Тройка», ставшая песней на музыку разных композиторов.

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой.

1846 г.

От чего рано вянет женская красота – на этот вопрос Некрасов отвечает изображением крестьянки в условиях ее жизни.

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! – русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени

Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колышается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки,-
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1862–1863 гг.

Среди замученных тяжелой долей крестьянок Некрасов увидел «тип величавой славянки» и отразил его в поэме «**Мороз, Красный нос**».

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублём подарит!»
Идут они той же дорóгой,
Какой весь народ наш идёт,
Но грязь обстановки убогой

К ним словно не липнет. Цветёт
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,

Ко всякой работе ловка.
И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:

Что взмах – то готова копна!
Платок у ней на́ ухо сбился,
Того гляди ко́сы падут.
Какой-то парнёк изловчился

И кверху подбросил их, шут!
Тяжёлые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,

Мешают крестьянке взглянуть.
Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,

Смущеньем и гневом горит...
По будням не любит безделья.
Зато вам её не узнать,
Как сгонит улыбка веселья

С лица трудовую печать.
Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»

Твердят мужики меж собой.
В игре её конный не словит,
В беде – не сробеет, – спасёт;
Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдёт!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы, у ней,
Но строго румяные губы

Хранят их красу от людей —
Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка

Ухвата, горшка попросить;
Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой

И внутренней силы печать.
В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несёт воздаянье:

Семейство не бьётся в нужде,
Всегда у них тёплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,

На праздник есть лишний кусок.
Идёт эта баба к обедне
Пред всею семьёй впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний

Ребёнок у ней на груди,
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.